

Приказ четвертого мастера? Разве их четвертый мастер не «умер» давным-давно? Неужели он решил раскрыть свою личность?

Юй Цзинь Няна на некоторое время задумался, потирая подбородок, а затем приготовился выйти навстречу людям из особняка Ян, и в то же время приказал Цин Хуань:

- Заходи, возьми тазик и набери горячей воды.

Цин Хуань ответила, а затем толкнула дверь внутрь.

Цзи Хун открыл глаза, и в них среди неги и комфорта промелькнуло легкое нетерпение. Перевернувшись на спину, он увидел глупый вид Юй Цзинь Няна, поэтому протянул руку и половина прикроватного полога упала, разделив кровать на свет и полумрак. Он снова поднял руку, обхватил юношу за шею и подтянул поближе, а сам подался вперед, и они встретились в воздухе.

Поцелуй не длился слишком долго, поскольку спина Цзи Хуна все еще была нездорова, и он не мог долго держать ее на весу. Это касание было настолько поверхностным, что Юй Цзинь Няна практически ничего не почувствовал. Прошло несколько мгновений, прежде чем он понял, что случилось.

Цин Хуань сразу же отвернулась и покраснела.

Когда она вошла, занавеска была наполовину опущена. Она увидела, как из складок ткани протянулась нефритово-белая рука, схватила брата Сяо Няна за шею и потянула его в тень. Единственное, что она видела, - это его поджавшиеся пальцы ног и больше ничего. Хотя она ничего не разглядела и не знала, что он там делал, но ей казалось, что она видела все и ей было очень стыдно.

В конце концов, Цин Хуань была молодой проституткой без малейшего опыта. Она только мельком видела, как клиенты и опытные проститутки качались на красных волнах*. Неоднократно видя такие грубые сцены, она уже не должна была так реагировать, но почему-то ей казалось, что образ господина Цзи, протягивающего руку из-за занавески, был особенно развратным, поэтому ее лицо стало еще краснее.

(ПП: качаться на красных волнах - идиома, означает сексуальные утехи, от которых невозможно уснуть)

Однако двум мужчинам за занавеской не было стыдно. Цзи Хун медленно отпустил Юй Цзинь Няна, медленно провел ладонью по шее юноши, потер его ухо и тихо прошептал:

- Иди.

Юй Цзинь Нянь поджал губы и подложил ему под спину подушку, чтобы можно было удобно опереться, а затем поднял полог кровати, собираясь надеть ботинки.

Цзи Хун снова сказал из-за занавески:

- Возвращайся скорее.

- Да, - Юй Цзинь Нянь весело ответил и спрыгнул с кровати.

Цин Хуань тоже угрюмо кивнула и взяла медный таз, стоявший рядом с их кроватью, чтобы принести воды, но не осмелилась поднять глаза, чтобы заглянуть за занавеску.

Когда Юй Цзинь Нянь добрался до общего зала, он услышал, как группа обедающих оживленно болтает. Управляющий из поместья Ян ждал снаружи лапшичной с двумя-тремя маленькими слугами. Его лицо было взволнованным, и он беспокойно расхаживал на месте. За ним стоял мальчик, который держал замысловатую деревянную клетку, в несколько раз превышающую по размерам клетку для птиц. Толстая кошка циветта свернулась калачиком внутри и спала, уютно угнездившись на подложенной мягкой подушке.

Когда управляющий резиденции Ян увидел, что Юй Цзинь Нянь вышел один, и что великое зло дворца Ли Го Гуна не последовало за ним, он с облегчением поприветствовал его:

- Господин Юй, господин Юй!

Юй Цзинь Нянь со знанием дела спросил:

- Господин управляющий хотел бы поесть лапши?

- Нет, нет, нет, - управляющий замахал рукой и официально проговорил. - Мы здесь, чтобы навестить господина Юя. Конечно, мы должны были предупредить о визите, но позавчера... Вы знаете, хе, хе... по правде говоря, сегодня у меня действительно есть к вам просьба...

Юй Цзинь Нянь удивился:

- Я всего лишь повар, как я могу помочь вашему дому?

На лице управляющего появилось смущение, он всплеснул руками и сказал:

- Господин Юй, вы слишком скромны, слишком скромны.

Юй Цзинь Нянь знал, что после обмена любезностями с семьей Ян, он не сможет остановиться

на трех или пяти предложениях, поэтому он замолчал и просто уставился на управляющего, ожидая, что тот скажет дальше.

Управляющий прочистил горло, но ему никто не ответил. Он повернул голову и в гневе пнул слугу. Мальчик пришел в себя и протянул ему черную лакированную деревянную шкатулку с инкрустацией, которую можно было держать только обеими руками. Станным было то, что хотя деревянная шкатулка не была заперта, она была запечатана кусочком желтой бумаги-талисмана с нарисованными киноварью символами против чар.

Когда Юй Цзинь Нянь увидел коробку, первое, что пришло ему в голову, было «Исинь». Как и ожидалось, управляющий вытер холодный пот и сказал:

- Эта шкатулка принадлежит четвертому мастеру. Вчера вечером четвертый мастер внезапно заговорил и всю ночь звал «Юй», царапая шкатулку. Я думаю, что четвертый мастер хочет подарить ее вам... Вот... Я просто... Я просто принес ее вам сегодня.

Кошка-циветта в клетке вытянулась и издала мурлыкающий звук. Для Юй Цзинь Няня это прозвучало как обычное мурлыканье, но управляющий склонил спину и сказал ей:

- Да, да, да. Именно господин Юй приготовил вегетарианскую еду в тот день.

Юй Цзинь Нянь: «...»

Итак, эти люди настолько суеверны, что принимают эту толстую кошку-циветту с круглой мордой за четвертого мастера. Умение Исиня убеждать людей просто великолепно.

Управляющий приказал мальчику достать сушеную рыбу, которую он носил с собой, и и дать кошке в клетке. Покормив и разгладив шерсть четвертого мастера, он встал и позвал другого мальчика, который принес коробку поменьше.

Он смущенно сказал Юй Цзинь Няню:

- В тот день в доме царил хаос. Мне очень жаль, что я не смог оказать вам хороший прием. Сегодня я хотел бы подарить эту коробку вам, господин Юй, а также извиниться перед вами обоими. А в-третьих...

- Господин управляющий, просто скажите это, - подбодрил Юй Цзинь Нянь.

Управляющий сделал паузу, сначала поклонился циветте и продолжил с жесткой улыбкой:

- Мы обещали четвертому мастеру, что в течение следующих трех лет весь дом будет соблюдать буддизм и не есть мяса, чтобы искупить вину перед наложницей Лань. Мастер

также сказал, что ваша вегетарианская пища наиболее эффективна для очищения ума и успокоения духа, поэтому я хотел бы попросить вас готовить вегетарианскую еду на каждый день - вам не нужно идти в дом самому, мы будем посылать слугу каждый день до полудня.

- И есть еще кое-что. Госпожа Ли использовала прописанное вами лекарство два раза подряд и боль действительно прекратилась. Поэтому, пожалуйста, продолжайте лечить госпожу - вот деньги на вегетарианскую еду и плата за консультацию нашей второй госпожи...

Юй Цзинь Нянь спокойно спросил:

- Как поживают господа Ян?

- Угх... - управляющий покаянно постучал себя в грудь. Ему было слишком грустно говорить об этом. Он не мог публично упоминать о семейном скандале, поэтому ему приходилось вздыхать снова и снова. Большую часть своей жизни он усердно работал на семью Ян, в конце концов, у него не было ни жены, ни детей. Он надеялся, что семья Ян будет помнить его тяжелый труд и хорошо относиться к нему на старости, но никогда не думал, что семья Ян окажется в таком состоянии.

Действия второго мастера получили широкую огласку, слух об этом распространился по всему дому. Третий мастер - человек, которого заботит только мелкая прибыль, не силен в бизнесе. Теперь третья госпожа в гневе убила об стену и третий мастер каждый день сидел в своей комнате, заливая свои печали вином. Разум старого мастера путался все больше, он мог говорить только о наложнице Лань и четвертом мастере. Горничные и слуги, которые не подписали акт купли-продажи, уволились один за другим.

Поместье Ян огромно, неужели оно могло полагаться только на него, постороннего, чтобы содержать его? Но даже если бы он смог продержаться какое-то время, он не смог бы продержаться до конца жизни. Когда он даст слабину, семья Ян рухнет в одно мгновение.

Видя, что ему трудно говорить, Юй Цзинь Нянь перестал тыкать в больные места. Вместо этого он протянул руку и взял маленькую коробочку, которую ему дали, открыл ее и взглянул - внутри было несколько золотых и серебряных слитков, а половину коробки занимали круглые полновесные жемчужины. Это действительно стоит больших денег.

Хотя болезнь госпожи Ли странная и не существует хорошего способа полностью искоренить ее, облегчить симптомы несложно. Уделяя немного внимания своему питанию и распорядку дня, не исключено, что в будущем у нее не случится рецидива. Кроме того, семья Ян такая щедрая. С такими деньгами можно было бы удвоить размер лапшичной, не говоря уже о том, чтобы свести концы с концами. Они также могли бы купить несколько толстых пальто для обитателей лапшичной на зиму.

Юй Цзинь Нянь уже вступил в царство самоотречения с прицелом на деньги, и он даже думал о том, какой теплый хлопчатобумажный халат купить для Цзи Хуна.

Семья Ян была похожа на тонущий корабль, погруженный в безумие и хаос. Большое дерево рухнуло и крысы разбежались. Так как управляющий Ян, то ли из суеверия, то ли по другой причине, с таким почтением пришел к его двери, умоляя о доставке еды и лекарствах, Юй Цзинь Нянь решил согласиться.

После некоторого раздумья он принял небольшую коробку. Он все еще может выделить немного времени, чтобы приготовить несколько вегетарианских блюд.

Управляющий увидел, что дело сделано, и не стал больше задерживаться, чтобы не выставить себя на посмешище, попрощался и пошел обратно в дом Ян.

Юй Цзинь Нянь вернулся во двор, держа в руках большую и маленькую коробки. Они с управляющим семьи Ян разговаривали перед дверью, и он никогда никого намеренно не избегал. Поэтому все в зале могли слышать, что происходит. В этот момент все они выглядели удивленными, пораженными или озадаченными. Когда он ушел через занавеску, посетители сразу сдвинули головы и зашептались.

Как только Юй Цзинь Нянь прошел через занавеску, он увидел, что Цзи Хун в какой-то момент встал и облокотился на стену рядом с занавеской. На нем была тонкая светло-голубая мантия и он выглядел в ней очень худым. У Юй Цзинь Няня были заняты руки, поэтому ему пришлось устно осудить его:

- Почему ты вышел, так легко одевшись?

- Ты задержался, и я волновался, - Цзи Хун хотел помочь ему нести коробку, но Юй Цзинь Нянь увернулся от него боком, опасаясь утомить его старую спину, которая только-только начала поправляться.

У Цзи Хуна также хватило ума не соревноваться с ним. Вместо этого он оглянулся на зал перед собой и сказал с тихим фырканьем:

- Это действительно оригинальный подарок в знак благодарности доктору.

- Что ты имеешь в виду? - Юй Цзинь Нянь задумался и посмотрел на шкатулку с драгоценностями в своих руках. - Это просто золото, серебро и драгоценности, обычный стиль семьи Ян.

Цзи Хун ущипнул юношу за кончик носа и беспомощно покачал головой:

- Маленький дурачок.

Намерения семьи Ян видны как на ладони. Они приехали сюда с такой помпой, чтобы получить медицинскую помощь и лекарства. Общий зал лапшичной - самое людное место. Через

несколько дней весть об этом распространится по всей округе. Это могут быть самые разные вещи, но никуда не деться от того, что Юй Цзинь Нянь - великий целитель, который вылечил вторую госпожу семьи Янь от болезни, не поддававшейся лечению в течение многих лет.

Имя целителя зарабатывается именно так. Вы можете вылечить сотню непонятных пешек, но все это будет не так популярно, как если бы вы исцелили жену или сына высокопоставленной семьи. Поэтому Цзоу Хэн был вынужден ходить в дома богатых людей, чтобы сделать себе имя.

Юй Цзинь Нянь некоторое время пристально смотрел на Цзи Хуна, но все еще не мог понять этого, поэтому он наступил на тень мужчины и побежал за ним, как маленький хвостик, спрашивая:

- Скажи мне быстро, скажи мне быстро! Не будь таким скрытным!

Вдвоем они ворвались в комнату, и Юй Цзинь Нянь открыл обе коробки. Меньшую по размерам он уже видел раньше, поэтому она его больше не интересовала, он подтолкнул ее прямо к Цзи Хуну, чтобы тот посмотрел, а сам оторвал бумагу с талисманом, запечатывавшую инкрустированную шкатулку.

Цзи Хун взял бумагу с талисманом и вдруг кисло сказал:

- Это тебе дал Исинь?

Юй Цзинь Нянь удивился:

- Эй, я еще ничего не сказал, откуда ты знаешь?

Цзи Хун слабо потряс желтой бумагой:

- Это написано на бумаге.

- Что там написано? Как я могу понять нарисованные призраками символы! - Юй Цзинь Нянь протиснулся, чтобы посмотреть, но Цзи Хун поднял руку, чтобы он этого не увидел. Двое некоторое время толкались и пихались. Юй Цзинь Нянь погрузился в гнев и разочарование, он раздвинул ноги и сел прямо на колени Цзи Хуна, обхватил его лицо и сказал:

- Ты покажешь это мне?

Он растянул лицо мужчины в обе стороны, из-за чего оно расплылось в комичной улыбке. Юй Цзинь Нянь не сдержался и рассмеялся. Цзи Хун хлопнул желтой бумажкой, которую держал в руке, по губам юноши. Поскольку его губы были влажными, бумажка прилипла к ним. Цзи Хун нежно придерживал юношу за ягодицы, боясь, что из-за его худобы Юй Цзинь Нянь будет

неудобно сидеть, и сказал с улыбкой, в которой не было злости:

- Смотри сам.

Юй Цзинь Нянь с прилипшей бумажкой уставился на Цзи Хуна. Он был похож на маленького демона, попавшего в ловушку заклинания, подумал про себя Цзи Хун.

Маленький демон не мог дождаться, пока Цзи Хун сам оторвет для него бумагу. Бумажка впитала влагу на его губах и упала вниз, но была поймана Юй Цзинь Нянем, который перевернул ее, чтобы посмотреть.

Не в силах понять написанное, он заволновался. Ему пришлось быть милым и льстить Цзи Хуну:

- Рассказывай быстрее.

Цзи Хун был так измотан им, что ткнул ему в лоб и сказал:

- Это не талисман. Это просто четыре иероглифа в другой форме. Такое написание широко использовалось в период правления прежней династии Юэ, но было заброшено во время основания Великой Ся. Только одна префектура на северо-западе до сих пор использует эти иероглифы. Более того, монах подделал эти четыре символа, расположив их в виде талисмана. На самом деле там написано «Одно сердце, один разум»*.

(ПП: иероглифы можно также прочесть как Исинь преподносит со всем почтением)

- Да, похоже, что это он. У него хорошо получаются эти притворные призраки, - Юй Цзинь Нянь потерял дар речи. Он спрыгнул с Цзи Хуна, положил инкрустированную шкатулку на колени Цзи Хуна, как будто предлагая сокровище, и нетерпеливо сказал. - Открой ее и посмотри. Я возьму золото и серебро, а ты можешь взять драгоценности!

Коробка была немного тяжелой, казалось, в ней было много вещей. Цзи Хун улыбнулся и сказал:

- Почему я должен получить драгоценности?

- Я грубый человек, который весь день проводит либо на кухне, либо в аптеке. Мне неприлично носить драгоценности. Какая от них польза? - Юй Цзинь Нянь вдруг радостно сказал. - То, что было у Исиня, - это все хорошие вещи. Заколочка для волос с глазурью из цветка сливы, которую я видел в прошлый раз, сверкала, и в нее были вставлены маленькие жемчужины, похожие на просо... Короче говоря, эти вещи определенно будут хорошо смотреться на тебе. Я отдам их все тебе!

Он подтолкнул коробку, призывая открыть ее поскорее. Улыбнувшись и покачав головой, Цзи Хун щелкнул медными замками инкрустированной коробки с обеих сторон, и две дверцы распахнулись наружу, открывая ящики разных размеров, все отделанные цветным перламутром. К каждому ящику была прибита маленькая латунная ручка с одним кольцом «летучая мышь». Черный блестящий лак покрывал шкатулку и одно только качество изготовления было достойно того, чтобы украшать дом Ли Го Гуна.

Юй Цзинь Нянь издал изумленный вздох и поспешно велел Цзи Хуну открыть эти маленькие ящички.

Цзи Хун вынимал содержимое одно за другим и раскладывал их на столе: фарфоровая подушка для измерения пульса, покрытая белой глазурью с нарисованным пионом*; бронзовый тигриный браслет с восемью триграммами*, набор нефритовых чаш для растирания лекарственных трав и набор медицинских молотков, белый медный медицинский барабан с выгравированными цветами; два серебряных ножа для лекарств размером с палец, пара маленьких золотых ножниц, пара серебряных щипцов с плоскими головками и нож для разрезания кожи в форме листа ивы; семизвездочная игла с серебряным наконечником и деревянной ручкой; две пластины гуа-ша из черепахового панциря; россыпь маленьких фарфоровых аптекарских баночек, покрытых черной глазурью и пять или шесть изысканно-белых фарфоровых бутылочек для лекарств.

Только эти вещи заняли весь стол.

Возможно, кто-то тщательно отполировал эти приборы перед их доставкой или, возможно, Исинь никогда раньше ими не пользовался, поэтому каждый прибор был чистым и блестящим, а золотые и серебряные предметы сияли и переливались при слабом освещении.

Но самое главное - это красный шелковый мешочек, который был извлечен из нижнего ящика. Внутри лежал набор золотых игл, о которых так долго мечтал Юй Цзинь Нянь.

Когда Цзи Хун увидел этот набор вещей, с одной стороны, он был рад за молодого человека, но в то же время ему было плохо. Он подумал, что этот монах действительно хитрый. Он не хотел посылать какие-то драгоценности. Молодой человек не любил золото, серебро и побрякушки, и забыл бы об этом в мгновение ока. Но теперь, когда у него есть такой хороший набор медицинских инструментов, боюсь, что в этой жизни он никогда не забудет слово «Исинь».

Юй Цзинь Нянь был так взволнован, что сказал «вау» три раза подряд. Он наклонился над столом и смотрел на него мутными от слез глазами, не в силах насмотреться. Он даже поднял тигриный браслет и потряс им. Звук эхом разнесся по комнате и он засмеялся вместе с ним.

После долгого разглядывания Юй Цзинь Нянь внезапно затих и, лаская аптечку, сказал:

- А-Хун, такая хорошая вещь, должно быть, очень дорогая... Разве я могу принять ее? Может, мне лучше вернуть ему?

Слово «вернуть» вырвалось из его уст, но глаза были переполнены любовью. Казалось, что в следующее мгновение он спрячет все эти вещи в рукавах и никто их не увидит.

Цзи Хун от скуки потянулся к ящику и нечаянно нажал на какую-то скрытую кнопку. Открылось еще одно отделение. Внутри были две маленькие баночки с лекарствами, завернутые в бумагу, а также находилось письмо.

Юй Цзинь Нянь с любопытством протиснулся поближе, присел на корточки сбоку от Цзи Хуна, положил руки ему на колени и не переставал спрашивать:

- Что это? Что это?

Цзи Хун передал ему бумажный пакет с горьким лекарственным запахом, а сам достал письмо. Что удивило Цзи Хуна, так это то, что письмо было адресовано не Юй Цзинь Няню, а ему самому. На конверте было написано: «Искренне Ваш, Цзи Гунцзы». Оно также было написано призрачными иероглифами.

Юй Цзинь Нянь изучал содержимое баночек с лекарствами. В одной из них были маленькие черные таблетки с вяжущим и горьким вкусом и слабым ароматом. Это должна быть изготовленная Исинем паста опиума, Афужон. Содержимое другой бутылочки было лучше узнаваемо, это горсть семян мака, завернутых в бумагу, и немного измельченной шелухи коробочек мака.

Афужон - это не только волшебное лекарство, но и яд, который может убивать людей. Оно обладает чудодейственными свойствами при лечении дизентерии, облегчении кашля, боли, успокоительном и даже анестезии. Его невозможно сравнить с каким-либо другим препаратом. Но токсины, содержащиеся в нем, не стоит игнорировать, особенно если сделать из него пасту. Он может вызвать зависимость и даже смерть от шока.

В это время, во времена династии Ся, Афужон еще не был представлен, и в аптеках такого лекарства не было. Исинь поехал учиться в другую страну и случайно привез это лекарство. Это можно рассматривать как прецедент в истории медицины. А теперь... теперь семена этого лекарства в руках Юй Цзинь Няня. Это совпадение?

Юй Цзинь Нянь посмотрел на эти две необычные маленькие баночки, испытывая сильные эмоции в своем сердце. После того, как он закончил вздыхать по этому поводу, он вдруг заметил, что Цзи Хун читает письмо.

Взглянув на письмо, он увидел, что это была еще одна куча призрачных символов, поэтому он честно собрал свою одежду, вытащил футон и сел на землю, послушно ожидая, пока Цзи Хун закончит читать и расскажет ему. Но если Цзи Хун не захочет рассказывать... Он ничего не сможет с этим поделать.

Положив письмо, Цзи Хун увидел, что молодой человек сидит рядом с ним, обняв колени и

смотрит на него, как щенок. Казалось, он говорил: «Будь добрым, расскажи, что там написано?»

Он протянул руку и приподнял подбородок юноши. Затем он подтянул его к себе, усадил на табурет и сказал:

- Исинь пишет, что эти вещи были заработаны не обманом, а честным способом. Не держи зла и используй их по своему усмотрению. Это можно рассматривать как накопление некоторых благословений для него.

После паузы он добавил:

- И еще он просит в следующем году, в Фестиваль зимней одежды не забыть сжечь несколько разноцветных одежд для наложницы Лань.

- О, я не забуду! - Юй Цзинь Нянь энергично кивнул и спросил в свою очередь. - Тогда должен ли я послать ему благодарственное письмо в ответ? Эти вещи так ценны, как я могу принять их, не сказав ни слова? Или мне просто подняться в храм Фэн Бо и поблагодарить его...

- Нет необходимости, Исинь уже отправился в путешествие, чтобы практиковать медитацию, так что я поблагодарю его лично, когда мы снова встретимся. Просто мир велик, так что, возможно, вам будет трудно увидеться снова в этой жизни... - он наклонился, поцеловал юношу в уголок рта и сказал. - Ладно, пойдем, я немного проголодался.

Услышав, что Цзи Хун голоден, Юй Цзинь Нянь положил маленькую бутылочку, хотя ему и не хотелось этого делать, и спросил:

- Эм... что ты хочешь поесть?

Цзи Хун сказал:

- Приготовь горячий суп. Только что, когда ты разговаривал с семьей Ян, Цин Хуань также сказала, что Второй Сестре эти два дня нездоровится и она хотела бы поесть немного супа.

- Хорошо, - Юй Цзинь Нянь на мгновение задумался, а затем встал и пошел на кухню.

Как только он ушел, Цзи Хун встал и зажег свечу, наблюдая, как письмо Исиня постепенно сгорает. Он сказал молодому человеку только часть. Остальные слова, которые излил Исинь, погрузились в память Цзи Хуна. Во-первых, Исинь в своем письме намеренно просил не говорить всего Юй Цзинь Няню. Во-вторых, сердце Цзи Хуна было настолько полно эгоистичных желаний, что он не хотел говорить об этом своему юноше.

Если в этом мире кто-то рождается, чтобы стать врачом, то это будет кто-то вроде Юй Цзинь Няна с мягким сердцем, которому невыносимо видеть, как люди страдают, поэтому он намеренно избегает злобы других. Может быть, он действительно не знал зла, может, просто притворялся, что не видит, но с таким характером, как у Юй Цзинь Няна, его можно было описать одним-единственным словом - «доктор».

Если бы он знал, что маленький монах, такой тихий и скрытый, внезапно выступил с таким количеством жалоб и написал целую эпопею о своей жизни, от Королевства Фань до династии Ся, с тринадцати или четырнадцати лет до сегодняшнего дня, даже такой медлительный в эмоциях тугодум как Юй Цзинь Нян определенно что-то почувствовал бы.

Исинь сказал, что очистит свое сердце, опустошит свое тело и возьмет в путешествие только чистую душу. Он также сказал, что человеческое тело имеет на редкость непостоянную жизнь, пытаюсь обмануть карму в круговороте страданий; но он также сказал, что он сегодня раскаивается во всем.

Это похоже на отпускание всего.

Когда Будда говорит отпустить все, это означает отпустить жадность и гнев, привязанность и одержимость красной пылью мира. У Исиня была только одна одержимость и он покончил с ней, его привязанность разрушена. Что еще он может отпустить? Если он хочет отпустить все, ему останется только отпустить плоть, которая тянула его вниз в течение многих лет.

Некоторые люди могут быть спасены, другие - нет. Это здравый смысл в этом мире. Цзи Хун знал это слишком хорошо. Он сжег письмо и молча положил лежащие на столе медицинские инструменты обратно в шкатулку. Затем он налил себе чашку чая.

Чай был желтым и холодным, и когда он поднес его к губам, то почувствовал слабый аромат османтуса. Когда он открыл чайник, внутри оказалась горсть сушеных цветов османтуса. Он не знал, когда юноша добавил их.

Он сделал глоток. Горечь была сладкой и напомнила о том дне под деревом османтуса. Молодой человек, который прибежал с рукавами, полными сладкого аромата. Возможно, это случилось в тот момент, когда поднялся ветер, а может быть, это произошло, когда молодой человек налил ему османтусовый чай и заставил остаться в лапшичной. Он вдруг почувствовал, как свежий ветерок врывается в его тяжелую оболочку - оболочку, которую он когда-то был готов полностью сбросить. В тот момент он почувствовал себя легче.

Когда-то он хотел увидеть крайний юг, который так расхваливал его второй брат в снежной пещере. Чтобы увидеть край океана и угол тутовых полей, чтобы убедиться, что они такие же обширные и такие же весенние, как он говорил. Чтобы узнать, действительно ли это рай, в котором никогда не знали холода. Но он не знал, что его брат сказал это только для того, чтобы дать ему повод для радости, хоть какую-то надежду на возвращение домой. Второй брат думал, что с его личностью Цзи Хун никогда не сможет уехать в такое далекое и негостеприимное место.

Поэтому он оставил такую же записку, как Исинь, и отправился в путь, не задумываясь ни на секунду. С севера на юг, от весны до осени. Он путешествовал месяцы и месяцы. Несколько раз он засыпал в карете, кучер сбивался с курса. Несколько раз он беззаботно раздавал свои деньги бездомным на дороге. Он даже не представлял, сколько миль и месяцев ему пришлось преодолеть.

В результате он заблудился в округе Синьянь и встретил Юй Цзинь Няна, который воровал цветы османтуса. Того самого османтуса, чей аромат он не чувствовал с тех пор, как уехал его второй брат. Это было самое далекое расстояние, на которое он когда-либо отклонялся от своего пути на юг, но это также было ближе всего к его собственному сердцу.

Если у Исиня действительно были какие-то мысли о Юй Цзинь Няне, и он написал, чтобы спровоцировать его, посоревноваться с ним, то так тому и быть. Письмо Исиня было наполнено покоем и облегчением. Он даже мог отпускать безобидные шутки.

Этот монах, очевидно, был слишком глубоко погружен в буддизм, и он мог видеть все, кроме этой навязчивой идеи. К Юй Цзинь Няну Исинь, как он сам сказал, испытывал признательность и восхищение. Это была тоска по радужному свету, который внезапно засиял среди облаков. Он мог восхвалять радугу перед бесчисленным количеством людей, но даже не думал о том, чтобы преследовать ее.

Он знал, что рано или поздно радужный свет исчезнет, и поэтому решил продолжать идти дальше, как будто ничего не произошло, как холодный и благочестивый Будда.

Цзи Хун развернул небольшой листок бумаги и написал несколько слов в ответ. Он сказал, что Юй Цзинь Нян был очень рад получить подарок, и благодарит его... Затем он сложил письмо и отправился на поиски посыльного. Он попросил его быстро подняться в Храм Фэн Бо и отдать его молодому монаху. Затем он вернулся на задний двор и издали увидел молодого человека, занятого на кухне.

Цзи Хун посмотрел на юношу и подумал про себя, что он протянул руку, чтобы схватить не радужный свет, а тонкую лозу, свисающую над черной бездной. Если бы он разжал руки, то упал бы на десять тысяч футов и сломал бы себе кости. И хотя лоза была жесткой и тернистой, он будет держаться за нее - пока человек на другом конце лозы не отпустит ее первым.

На кухне Юй Цзинь Нян смешивал измельченное гусиное мясо с рубленным имбирем, чесноком и ложкой кулинарного вина. Вбив в фарш два яйца, он добавил крахмал, смесь пяти специй и две чайные ложки соли, а затем принялся перемешивать в одном направлении, чтобы сделать начинку. Если вы хотите, чтобы фрикадельки получились упругими и равномерными, нужно непрерывно мешать, пока вся жидкость в тазике не впитается в мясо и уже невозможно будет повернуть палочки для еды.

Помешав фарш некоторое время, Юй Цзинь Нян почувствовал, что у него болят руки, поэтому он отложил его на некоторое время. Цин Хуань сварила бульон из костей от вчерашнего гуся, чтобы приготовить суп. Подогрев бульон, он разорвал несколько капустных листьев и бросил

их в кастрюлю вместе с нарезанной зимней дыней и черными древесными грибами. Он также нарезал яичный омлет на мелкие полоски и посыпал ими суп.

Когда он поднял палочки и продолжил помешивать фарш, Цзи Хун бесшумно вошел и внезапно обнял его сзади. Юноша был так напуган, что его руки затряслись и он чуть не уронил свои палочки в кастрюлю.

- Что ты делаешь? Пришел пугать людей без причины!

Цзи Хун не ответил. Он лишь отпустил руку, все еще слегка опираясь на спину юноши, и спросил:

- Что готовишь?

Юй Цзинь Нянь ответил:

- Гусиный суп с фрикадельками. Еще осталось немного гусиного мяса, сделаю хрустящие гусиные рулетики, а затем приготовлю суп из гусиной крови и тофу для Второй Сестры... Что еще ты хочешь съесть? Осталось немного гусиной печени. Хочешь, я сделаю несколько булочек, пока буду готовить рулеты? Можно нарезать гусиную печень и оставшееся тушеное мясо и завернуть в булочку... - он задумался на мгновение и снова заколебался. - Хотя гусиная печень была бы хороша в холодном виде, как паштет... Что, по-твоему, лучше?

Цзи Хун слегка наклонил голову и потерся о него кончиком носа:

- Все хорошо, ты самый лучший.

- ... - Юй Цзинь Нянь взмахнул палочками и с улыбкой отругал его. - Уходи, не устраивай мне тут беспорядок!

Отпихнув Цзи Хуна, который беспорядочно дразнил его, Юй Цзинь Нянь поспешно закончил с фаршем и приготовился делать фрикадельки. Легким нажатием большого и указательного пальцев появился мясной шарик. Отделившись с ладони краем ложки, круглый шарик мяса соскользнул в кастрюлю. Юй Цзинь Нянь повторил это действие несколько раз и вскоре белые фрикадельки из гусиного мяса плавали на поверхности супа.

Отложив порцию для Второй Сестры, он посыпал оставшийся суп острым перцем. В конце концов, сейчас зима, поэтому хорошо было бы съесть что-нибудь остренькое.

Приготовив суп с фрикадельками, он нарезал вареное мясо гуся и бланшировал побеги бамбука, грибы, морковь и лук-порей, а также достал маринованный имбирь из банки. Мясо лежало в центре фарфоровой тарелки, покрытое ложкой бобовой пасты, а вокруг него по очереди выложили остальные продукты, придавая блюду красный, желтый и зеленый цвета.

Яркие овощи были настолько привлекательными, что, глядя на них, невозможно было ограничиться одним кусочком.

Это блюдо относится скорее к холодным закускам, лучше всего есть его, завернув в мягкие блинчики. Сквозь тонкое тесто блинчиков смутно просвечивали красно-зеленые цвета. Стоит только откусить, как из рулетика вытекает соус, пропитавший мягкое сочное гусиное мясо. При следующем укусе вы получаете хрустящую морковь и имбирный соус с оттенком свежести, усиленный измельченным луком-пореем...

Юй Цзинь Нянь сглотнул и натер сковороду половиной головки свежесрезанного имбиря. Это не даст блинчикам прилипнуть к поверхности. Выкладывая тонко раскатанное тесто на слегка смазанную маслом сковороду, он медленно готовил блинчики на слабом огне.

Тем временем в другой кастрюле он готовил суп из утиной крови и тофу для Второй Сестры.

Независимо от того, насколько хлопотными были блюда, они, казалось, расцветали под его чудесными руками. Груда ингредиентов превратилась в изысканное и необычное пиршество. Когда Цинь Хуань подошла подать блюдо, она не могла не восхититься им и тайком зачерпнула шарик гусиного мяса. Мясо было нежным и сливочным, а суп таким наваристым. Она попыталась вытащить еще один, но была поймана Юй Цзинь Нянем. Они вдвоем весело препирались, пока не вышли со своими тарелками, подавая ужин.

Здоровье Второй Сестры становилось все хуже и хуже, она чувствовала усталость после нескольких шагов по комнате. Чаще всего она весь день отдыхала на своем диване. Сегодняшнее блюдо также было приготовлено отдельно и отправлено в ее комнату Цинь Хуань.

Уже стемнело и входная дверь лапшичной также была закрыта. Они были уже на полпути к трапезе, когда услышали чей-то крик из передней комнаты.

Когда Юй Цзинь Нянь уже собирался встать, на него надавил Цзи Хун и сказал:

- Я пойду и посмотрю.

Дверь лапшичной приоткрылась и в щель стало видно лицо посыльного, вернувшегося из Храма Фэн Бо. Он действительно передвигался очень быстро и все еще немного задыхался. Отдышавшись, он достал письмо, которое дал ему Цзи Хун, и извинился:

- Простите, молодой господин. Люди в храме сказали, что молодой монах спустился с горы прошлой ночью и они не знают, куда он отправился, поэтому это письмо...

- Ничего страшного. Спасибо, - Цзи Хун взял обратно письмо, достал еще десять монет и отдал их посыльному в награду.

Исинь действительно ушел. Он не дал им ни малейшего шанса.

Когда Цзи Хун вернулся на задний двор, Юй Цзинь Нянь спросил, кто это был, но он только сказал, что человек ошибся дверью.

В результате сильный ветер, который шел некоторое время с дождем, постепенно утих. Слуги семьи Ян каждый день приходили в лапшичную, чтобы забрать вегетарианские блюда. Юй Цзинь Нянь продолжал готовить. После того, как ветер и волны успокоились, снова стало по-прежнему тепло и солнечно. Дни проходили как обычно и лапшичная работала в своем обычном режиме. Все оставалось по-прежнему, кроме шкатулки, которая стояла у кровати Юй Цзинь Няня как сокровище.

Будто и не было того призрачного времени, которое вызвало такой ажиотаж.

В лапшичной всегда ярко светит солнце.

Прошло всего несколько дней после отъезда молодого мастера Яна, как появился еще один молодой мастер, который тоже любил искать цветы* и задавать вопросы.

(ПП: увиваться за женщинами)

Это случилось сразу после самого оживленного времени дня. Еще на рассвете Юй Цзинь Нянь купил в магазине трав полный кулек семян шалфея. Он разрезал свиную корейку пополам и сварил суп «Ша Юань», тонизирующий почки. С точки зрения вкуса, это было не так уж освежающе, но что касается цвета и аромата, суп был просто незабываемым. Для красоты Юй Цзинь Нянь добавил несколько красных ягод годжи.

Он прислонился к шкафу, уговаривая Цзи Хуна выпить большую порцию супа из свиной вырезки, когда в лапшичную вошел молодой господин, размахивая своим золотым шелковым веером.

Цзянь Бингжен вспомнил, что у него есть важные дела и воздержался от того, чтобы смотреть на Цзи Хуна. Но когда он вошел и со всем изяществом и элегантностью собирался сделать вежливый комплимент по поводу еды, он вдохнул аромат и почувствовал безошибочный запах свинины.

Цзянь Бингжен оглянулся по сторонам. В лапшичной было холодно и пусто. На прилавке стояла только кастрюля с супом.

Его лицо покраснело, и он не знал, как похвалить суп, поэтому, спустя долгое время, он покачал головой и сказал:

- Этот суп действительно уникален, как бессмертная свинья, спустившаяся с небес!

Если не можешь похвалить, не хвали, - подумал Юй Цзинь Нянь, но вслух сказал:

-... Молодой господин Цзянь снова пришел поесть лапши?

Цзянь Бингжен убрал веер и, моргнув несколько раз, спросил:

- Есть ли у вас еще... то печенье в виде человечка? Только со вкусом куркумы. В последний раз, когда я купил несколько штук, они были очень хороши! - он хлопнул по руке своим веером. - Хотя простые, без специй, тоже неплохие, но аромат куркумы все же лучше.

Юй Цзинь Нянь уставился на него с улыбкой на лице и подумал: Боже мой! Пряничный человечек собирается съесть пряничного человечка*!

(ПП: имя Цзянь Бингжен также можно прочитать как имбирная лепешка)

*Подушка для измерения пульса

*Тигриный браслет называется так потому, что легенда гласит, что король медицины Сунь Симяо использовал медное кольцо, чтобы держать пасть тигра открытой, в то время как он просунул руку в центр кольца, чтобы дотянуться до его горла и вытащить застрявшую кость. После того, как медное кольцо было извлечено, тигр продолжал кивать в знак благодарности. Затем кольцо было преобразовано в колокольчик.

Путешествующие врачи заявляли о своих навыках в зависимости от того, где они трясли колокольчиком — у груди, у плеча или над головой. Чем выше, тем лучше врач. Но они не могли трясти им в аптеках в знак уважения к Сунь Симяо.

*Хрустящие гусиные рулеты - способ поедания примерно как у утки по-пекински

<http://bllate.org/book/13608/1206869>